

На правах рукописи

Мудрова Наталья Петровна

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО СОЗДАНИЮ КОРПУСА УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ
(1851 – 1917 гг.)**

Специальность 07.00. 09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Майкоп–2015

Работа выполнена на кафедре отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель:

Шеуджен Эмилия Аюбовна
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Данилевский Игорь Николаевич
доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики», профессор школы исторических наук факультета гуманитарных наук (г. Москва)

Емтыль Зарема Январбиевна
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», профессор кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций (г. Краснодар)

Ведущая организация:

ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (г. Майкоп)

Защита состоится «12» февраля 2016 г. в 12. 00 на заседании Диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам Адыгейского государственного университета по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15. Конференц-зал (ауд. 213).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке на сайте ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет» www.adygnet.ru. Текст автореферата также размещен на сайтах ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru>; ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия» www.agpu.net; ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» <http://kchgu.ru>

Автореферат разослан «__» декабря 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

В.Н. Мальцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой проблемы. Современное состояние источниковедения определяется новой социально–культурной и теоретико–методологической ситуацией, сложившейся главным образом в последней трети XX – начале XXI вв. Сегодня источниковедение становится интегрирующим началом гуманитаристики, выступая как объект исследования гуманитарных и социальных наук, способствуя пониманию человека другой культуры, обогащению мировосприятия. Происходящие в источниковедческом знании глубокие внутренние трансформации неизбежно отражаются на смене интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм. Более того, новое понимание объекта источниковедения при изучении различных социально–культурных общностей позволяет конституировать видовые системы исторических источников.

В этом плане принципиально важна постановка вопроса о месте устной традиции в модели жизненного цикла народов Северного Кавказа, учитывая, что до конца XIX – начала XX вв. большинство народов этого региона не имело письменности. В современной исторической науке утвердилось мнение, что фольклорная мнемотехника многое объясняет в историческом прошлом, более того, настоящем народов, позволяя человеку познавать окружающий мир, «ориентироваться в незнании»¹, сохраняя в особой кодифицированной форме накопленный опыт.

В известной степени исследовательский интерес к данному виду источников обусловлен процессами, происходящими в современной исторической науке, изменениями концептуальной основы источниковедения, позволяющими более системно подойти к вопросу прочтения фольклорного материала, с привлечением современного методологического инструментария. При этом, особую значимость приобретает обращение к таким проблемам, как формы, движущие силы устной традиции, ее значение при репрезентации прошлого.

Устные фольклорные источники, впитывая типические черты опыта общественного развития народов, накопленного на протяжении длительного исторического времени, создают прочную, хотя и небезупречную основу исторической памяти. В широком контексте аналогичного опыта других народов, связанного с механизмом формирования, преобразования и передачи устной памяти, у народов Северного Кавказа достаточно явственно проявляются как общие характеристические черты, так и специфические, обусловленные особенностями природно–географической среды, общественного развития, ментальности.

Диссертационная работа представляет собой первое комплексное исследование устных источников, собранных Кавказским отделом Русского географического общества, что позволяет обратиться к накопленному опыту в области изучения фольклора, выявить слабые стороны и определить пер-

---

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 12.

спективные направления его изучении в качестве материала для реконструкции начальной истории народов Северного Кавказа.

Степень изученности проблемы. В российской исторической науке накоплен опыт обращения к фольклорным источникам, как в области источниковедения, так и фольклористике. При отсутствии специальных исследований по избранной проблеме в диссертации анализировались различные по характеру и видовой принадлежности историографические публикации: по теоретическим проблемам источниковедения и фольклористике, обобщающие исследования, работы по отдельным аспектам изучаемой темы.

Для диссертационного исследования особенно значимыми оказались работы источниковедов, посвященные типологизации исторических источников, предложенные М.Н. Тихомировым, Л.Н. Пушкаревым, А.П. Пронштейном, С.О. Шмидтом, И.Д. Ковальченко и др.² В работах обосновываются принципы видовой классификации исторических источников, среди которых определенное место занимают произведения устного народного творчества. Это позволило подойти к изучению фольклора в ходе проведения реконструкции исторического прошлого народов Северного Кавказа с позиции его источниковедческой значимости. При применении методологических подходов при работе с устными источниками оказали исследования, посвященные проблемам исторического знания, принципам анализа и интерпретации исторических источников³.

Значимую роль в формировании исследовательских взглядов по проблеме теории и методологии изучения устных источников оказали работы фольклористов⁴. Это позволило проследить исследовательский опыт ученых

---

² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962; Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976; Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; его же. «Возникновение чистилища» и вопросы методологии истории культуры. Т. 2. СПб., 1999; его же. Избранные труды: Средневековый мир. СПб., 2007; Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998; Репина Л.П. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003; ее же. «Цепь времен»: Проблема исторического сознания. М., 2005; ее же. История и память: Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006; ее же. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007.; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Шеуджен Э. А. Устная традиция в структуре исторической памяти адыгов // Вопросы теории и методологии: Сб. науч. ст. Вып. 7. Майкоп, 1995; ее же. Историография. Вопросы теории и методологии: Курс лекций. Майкоп, 2005; ее же. Научная деятельность: организация и методология исследования. М., Майкоп, 2006; ее же. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп, 2010; ее же. Письменные источники: маркеры памяти исторического прошлого народов. Майкоп, 2011; ее же. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. М., Майкоп, 2012; ее же. Адыги (черкесы) XIX век: опыт применения историко-антропологического подхода. М., Майкоп, 2015.

⁴ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958; его же Мифология сказки. М., 1969; его же. Фольклор и действительность. М., 1976; Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971; Жирмунский В.М. Народно героический эпос: сравнительно-исторические очерки. М., 1962; его же. Избранные труды. СПб., 1974; Миф. Фольклор. Литература / Ин-т рус. Лит. АН СССР. М., 1967; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб., 1988; Алексеев Э.Е. Фольклор в контексте современной культуры: рассуждения о судьбах русской песни. М., 1988; Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988; Барт Р. Введение в структурный анализ повествования текстов. М., 1989; Калугин В.И. Струны ротаху. Очерки о русском фольклоре. М., 1989; Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968; его же. Миф и сказка. М., 1988; Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новиков Е.С. Статус слова и понятия жанра в фольклоре. М., 1994; его же. Миф и историческая поэтика фольклора [Электронный ресурс]. URL: <http://>

в данной области, а также применить их наработки в диссертационном исследовании. Важным оказались труды Ф.И. Буслаева, А.Н. Пыпина и М.К. Азадовского, позволившие комплексно изучить историю осмысления и восприятия устного народного творчества в качестве исторического источника с момента становления и развития специальных наук (этнографии, фольклористики) и др.⁵

Немаловажным в диссертационном исследовании оказался опыт привлечения ученых, занимающихся изучением фольклора как источника, в котором хранится историческое прошлое народа⁶. Это позволило освоить опыт изучения устного народного творчества, и применить его в работе с фольклорным материалом.

Опыт обращения к изучению регионального фольклора, как источника, в котором хранится память о минувшем, имеет давнюю традицию. По мере накопления фольклорного материала происходил процесс его изучения. Особого внимания заслуживают исследования С. Хан–Гирея и Ш.Б. Ногмова. Так, С. Хан–Гирей собрал и изучил богатый этнографический материал, в который вошли предания народов Северного Кавказа⁷. Работа Ш.Б. Ногмова «Истории Адыгейского народа»⁸ полностью основана на кабардинских преданиях. Опыт авторов в изучении устных источников лег в основу работы диссертанта с фольклорным материалом. Изучению осетинских текстов, религиозных воззрений прошлого посвящены исследования В.Ф. Миллера⁹. Им были заложены основы изучения нартских сказаний, введены в научный обо-

---

ruthenia.ru; его же. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 2004; его же. Структура волшебной сказки. М., 2011; его же. К вопросу о применении структурно–семиотического метода в фольклоре. [Электронный ресурс] URL: [http // ruthenia.ru](http://ruthenia.ru); Зухба С.Л. Типология абхазской не сказочной прозы. Майкоп, 1995; Ципинов А.А. Народная историческая проза. Нальчик, 2000; Дайдес А. Фольклор: семиотика и/ или психоанализ. М., 2003; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003; Ципинов А.А. Мифо–эпическая традиция адыгов. Нальчик, 2004; Тлехас С.С. Сказки Золотой старины. Майкоп, 2014; Чеучева А.К. Брантов З.–хаджи. Адыгский сказ. Майкоп, 2014.

⁵ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861; Пыпин А.Н. История русской этнографии: общий обзор изучений народности и этнографии великорусская. СПб., 1890; его же. История русской литературы. Т. I. СПб., 1898; Азадовский М.К. Литература и фольклор. М., 1950; его же. История русской фольклористики. М., 1958.

⁶ Вопросы изучения эпоса народов СССР / Ин–т мировой литературы им А. М. Горького АН СССР. М., 1958; Вопросы народно–поэтического творчества: Проблемы соотношения фольклора и действительности / Ин–т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. М., 1960; Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М., 1962; Гусев В.Е. Эстетика фольклора. СПб., 1967; Вопросы жанров русского фольклора: Сборник статей / под ред. Н.И. Кравцова. М., 1972; Гацак В.М. Поэтика эпического историзма во времени. М., 1980; Черилова Н.Г. Опыт изучения эпической памяти: (на материале былин). М., 1980; Типология и взаимосвязь фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика / Ин–т мировой литературы АН СССР. М., 1980; Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. СПб., 1982; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. СПб., 1986; Далгат У.Б. Эпический историзм в развитии. М., 1988; Белявский А.М. Фольклор как исторический источник: методологические и методические аспекты // Этнокультурное развитие Белоруссии в XIX – начале XXI вв: материалы Междунар. науч. – практ. конф. Минск, 2002. Вып. 1; Крылов П.В. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения интеллектуальной памяти // Новое литературное обозрение. СПб., 2005. № 74; Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007; Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008; Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 107; Цыпкин В.В. Сказка как исторический источник // Достижения науки за последние годы. Новые наработки: междунар. науч. конф. Варшава, 2013.

⁷ Султан Хан–Гирей. Черкесские предания // Русский вестник. Т. 2. № 5. 1941; его же. Записки о Черкессии. Нальчик, 2008; его же. Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

⁸ Ногмов Ш.Б. История Адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861.

⁹ Миллер В.Ф. Осетинские тексты. Ч. I. М., 1881; Миллер В.Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал министерства народного просвещения. 1883.

рот эпические сказания народов региона, многие из которых зафиксированы самим ученым. В своем исследовании К.С. Давлетов предпринял аргументированную попытку раскрыть сущность природы фольклорных произведений, созданных разными народами, что позволяет говорить об отражении в них исторического прошлого¹⁰. Опыт сравнительного изучения скифов и нартов, представленный в работах Ж. Дюмезиля¹¹, был использован при написании диссертационной работы. Не менее значимыми оказались региональные работы по фольклору, привлеченные в диссертационном исследовании¹².

Изучению истории народов Северного Кавказа посвящено значительное количество фундаментальных исследований¹³. Авторами введен в научный оборот широкий круг источников, значительно расширяющих общее представление об историческом развитии этносов региона. В ходе их написания фольклорный материал привлекался исследователями как источник, в котором фиксировались древние представления народов¹⁴. Особого внимания заслуживают работы Э.А. Шеуджен, посвященные проблеме изучения исторической памяти¹⁵. Согласно взглядам исследователя, «многовековой опыт

¹⁰ Давлетов К.С. Фольклор как вид искусства. М., 1966.

¹¹ Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990; Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология: Исслед. по фольклору и мифологии. М., 1976.

¹² Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963; Нарты: Эпос осетинского народа. М., 1957; Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: исслед. и тексты. М., 1966; Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967; Гадагатль А.М. Память нации: Генезис эпосы «Нарты». Майкоп, 1997; Гадагатль А.М. Память нации: Идеино-тематическое и художественное своеобразие героического эпоса «Нартхэр» адыгских народов. Майкоп, 2007; Галагай Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартовского эпоса. Цхинвали, 1977; Егорова А.П. Изучение фольклора народов Карачаево-Черкессии. М., 1978; Абаев З.В. Этюды по нартовскому эпосу. Цхинвали, 1978; Абаев З.В. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Т. I. Владикавказ, 1990; Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начале XX века / Под ред А.И. Алиевой. Нальчик, 1979; Поэтика и стиль волшебных сказок адыгейских народов / отв. ред. М. А. Кумахов. М., 1986; Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989; Атажукин К. Избранное / К. Атажукин ст. и подгот. текстов к печати Р. Х. Хашхожевой. 2-е изд., доп. Нальчик, 1991; Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартовского эпоса. М., 1993; Чуякова Н.М. Малые жанры адыгского фольклора. Майкоп, 1999; Дзищойты Ю.А. Нартовский эпос и амирани. Цхинвал, 2003; Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов: (эстетико-информационный аспект). М., 2004; Кудаева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик, 2008.

¹³ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении. М., 1846; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; История Кабардино-Балкарской ССР с древнейших времен до наших дней: Т. 1. М., 1967; Гадло А.В. Этническая история народов Северного Кавказа IV – X вв. Ленинград, 1979; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII вв. / отв.ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988; Абрамов Я. Кавказские горы: Материалы для истории черкесского народа: Северокавказский филиал традиционной культуры. М., 1990; Хотко С.Х. Очерки истории черкесов: Этногенез. Античность. Средневековье. Новое время. Современность. СПб., 2001; Цуциев А.А. Атлас этнологической истории Кавказа: (1774 – 2004 гг.). М., 2006; Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии: (первая половина XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей / С. Я. Цикушева; науч. ред. Э.А. Шеуджен. М., 2008; История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: Т. I. Майкоп, 2009; Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы, древнейший народ Кавказа. [Электронный ресурс] URL: // www. real-alania. ru; Северокавказское общество: опыт системного анализа / Шадже А.Ю. Шеуджен Э.А. М., Майкоп, 2004; Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2010; Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011; Натхо К.И. Черкесская история. Майкоп, 2012; Озова Ф.А. Очерки политической истории Черкессии. Пятигорск, Черкесск, 2013.

¹⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900; Гак К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1–2. М., 1923; Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. I. М., 1955; Гулиа Д.И. Собрание сочинений: История Абхазии: этнография: Т. 6. Сухуми, 1986; Мальбахов Б.К. Средневековая Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Польшей и Крымским ханством: (середина XVI – XVIII вв.). Нальчик, 1996.

¹⁵ Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп, 2010.

развития народов, неопровержимо свидетельствует, что отношение к историческому прошлому постоянно изменялось», фиксируя только значимые факты его истории¹⁶.

Отдельные составляющие исследовательской проблемы являлись объектами изучения в ряде специальных работ¹⁷. Внимание заслуживает труд К.К. Хутыза, в которой автор на основе этнографических и фольклорных данных анализирует историю охоты адыгов и в целом взаимоотношения, которые складывались между человеком и природой в течение долгого времени¹⁸. Значимую роль в ходе изучения вопроса этногенеза, оказала работа Б.С. Агрба и С.Х. Хотко, идеи которой в той или иной степени нашли подтверждение в исследуемых фольклорных текстах¹⁹.

При работе с устными текстами значение имели материалы, посвященные видам фольклора, в ходе рассмотрения и изучения каждого из которых потребовались «наработки» ученых в данной области²⁰. Определенную

¹⁶Шеуджен Э.А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. М., Майкоп, 2012.

¹⁷Веленгурин Н. Берега «свои» и «чужие». № 11. Ростов–на–Дону, 1962; Гарданов В.К. Социально-экономические преобразования // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.). под ред. В.К. Гарданова. М., 1968; Селиванов Ф.М. О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М., 1973; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; Виноградов П.Г. Влияние рек на происхождение цивилизаций // Северный вестник. № 6. 1992; Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Т. 55, № 3. 1996; Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). Т. 56, № 3. М., 1997; Гак В.Г. Пространство вне пространства. М., 2000; Столин В.В. Пространственная форма и предметность образа // Восприятие и деятельность. под ред. А. Н. Леонтьева. М., 2000; Березкин Ю.Е. Об универсалиях в мифологии. СПб., 2003; Даниленко О.И. Психопрофилактический потенциал пословиц // Психологический потенциал фольклора в этнокультуре: материалы конф. / Под ред. О.И. Даниленко. СПб., 2007; Гачев Г.Д. Национальный образ мира. Кавказ. Интеллектуальное путешествие из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М., 2002; Гачев Г.Д. Ментальность народов мира. М., 2008; Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар., 2006; Хотко С.Х. Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство. Нальчик, 2008; Садекова А.Х. О религиозных жанрах татарского фольклора. № 4. Татарстан, 2009; Померанцева Э.В. Народные верования и устное поэтическое творчество. № 162. Симферополь, 2009; Садекова А.Х. О религиозных жанрах татарского фольклора. № 4. Татарстан, 2009; Решетов А.М. Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейных брачных отношений. № 162. СПб., 2009; Писарев Л.В. Историческая память народа и бытование фольклорного произведения: (на примере трех шотландских песен, посвященных Принцу Чарльзу Эдуарду Стюарту) // Вестник ПСТГУ. Вып. 3(25). 2011; Филимонова О.С. Роль локусов в пространственно-временной организации текста англо–шотландской народной баллады // Вестник Самарского государственного университета. № 77. 2010; Романовская Е.В. Травмы социальной памяти и психоанализ // Известия Саратовского университета. Т. 11, Сер. Философия. Психология. Педагогика: Вып. 4. 2011; Токмышев Д.М. Категория пространства в морском героическом эпосе: лингвокультурологический эпос // Вестник Томского государственного университета. № 3. 2012.

¹⁸Хутыз К.К. Адыги в многонациональной семье народов Северного Кавказа: опыт, уроки: (1917 – 1940 гг.). Майкоп, 1997; его же. Охота у адыгов: Эколого–этнографический аспект. Майкоп, 2001.

¹⁹Агрба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко–культурной самобытности страны адыгов. Майкоп, 2004.

²⁰Алиева А.И. Эпитет в адыгском героическом эпосе героическом эпосе / А. Алиева // Избранные записки Кабардино–Балкарского НИИ. Т. 24. Нальчик, 1967; Далгат У.Б. К вопросу идеализации эпического героя: (на материале кавказского эпоса) // Специфика фольклорных жанров. М., 1973; Аутлева С.Ш. Публикация и изучение фольклора адыгов: (адыгейцев, кабардинцев, черкесов. Ленинград, 1975; Алиева А.И. Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. Нальчик, 1979; Алиева А.И. Жанрово–исторические разновидности героического эпоса адыгских народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М., 1980; Актуальные проблемы изучения фольклора и литературы народов Северного Кавказа и Дагестана: тезисы докл. регион. науч. конф., 18–20 нояб. 1987. Махачкала, 1987; Далгат У.Б. Эпический историзм в развитии // Фольклор. Проблема историзма. М., 1988; Денисова Н.Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо–Западном Кавказе: (XIX – начале XX вв.) // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблема межэтнических отношений: Сборник научных статей. Ростов–на–Дону, 1999; Гутов А.М. Некоторые кавказские–балкарские фольклорные параллели // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып. 3. Нальчик, 2000; Беданокова А.М. Воспитательный потенциал адыгского фольклора // Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: ма-

помощь при работе с малыми формами фольклорного жанра (пословицами и поговорками) оказали исследования, проведенные З.У. Блягозом²¹, обратил внимание на их философские и нравственные аспекты.

Предпринятый историографический анализ свидетельствует о том, что проблема реконструкции исторического прошлого народов Северного Кавказа, традиционно привлекала исследователей, но так и не стала предметом специального изучения, что позволяет ставить вопрос о своевременности и необходимости введения в научный оборот корпуса источников ранее находившихся в «тени» исследовательского поля, их комплексного изучения на основе накопленного исследовательского опыта.

Объектом исследования является реальное историческое прошлое народов Северного Кавказа, нашедшее отражение в фольклорных источниках.

Предметом исследования стала коллекция устных фольклорных материалов, целенаправленно собранных и опубликованных Кавказским отделением Русского географического общества.

Целью работы является изучение деятельности Кавказского отделения Русского географического общества, выявление типологии и информационной значимости коллекции устных фольклорных источников для реконструкции начальной истории народов Северного Кавказа.

Для реализации цели ставились следующие **задачи**:

- провести анализ публикаций, посвященных теоретико–методологическим проблемам источниковедения и фольклористики;
- осмыслить историографический уровень комплекса конкретных исследований по избранной теме;
- проанализировать причины, обусловившие потребность в выявлении устных фольклорных источников как типологического для бесписьменных народов информационного материала;
- изучить деятельность Кавказского отдела Русского географического общества, направленную на организацию научных исследований в северокавказском регионе;
- провести типологию выявленных устных фольклорных источников и методов их презентации;
- осуществить критический анализ основных сюжетов, запечатлевших

териалы конф., 13 – 14 окт. Майкоп, 2005; Баташова З.Ш. Родство фольклора и литературы Северного Кавказа // Вестник Адыгейского университета. Вып. 1 (29). 2008; Беева Э.А. Пространственно–временные предпрятия адыгов: (по материалам мифов) // Вестник Адыгейского университета. Вып. 10. Сер. «Филология и искусствоведение». 2008; Унарокова Р.Б. Перспективы изучения адыгского фольклора // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Вып. 3. 2011; Чуякова Н.М. Развитие фольклористики в Адыгее // Актуальные проблемы адыгской фольклористики в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. / Мин–во образования и науки Респ. Адыгея, Адыг. респ. Ин–т гуманитар. исслед. им. Т. М. Керашева. Майкоп, 2012; Ардавова З.Т. Роль пословиц в жизни народа // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VIII международной научной конференции: (16 – 17 мая 2013 г.): посвящается 90–летию со дня рожд. З. И. Керашевой / Мин–во образования и науки Респ. Адыгея. Майкоп, 2013; Героический эпос адыгов «Нарты»: история и современность: материалы республ. науч. конф. Майкоп, 2013.

²¹ Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости: (адыгские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках). Майкоп, 1992; Блягоз З.У. Народная мудрость адыгов. Майкоп, 2003.

образы, отражавшие историческое состояние и развитие народов региона;

- наметить перспективы более системного введения устных фольклорных источников в современные исследования по истории народов Северного Кавказа.

Хронологические рамки диссертационной работы ограничены деятельностью Кавказского отдела Русского географического общества (1851–1917 гг.). Учитывая специфику исследуемого материала, датировка событий носит условный характер, обусловленный «размытостью» временных границ сюжетов, «наслоением» отдельных периодов, что приводило к гипотетичности, предположительности их датировки.

Территориальные рамки исследования ограничены Северным Кавказом, местом проживания аборигенных этносов, входивших в программы обследований.

Источниковую базу диссертационного исследования составили материалы Русского географического общества и его подразделений, в частности, Кавказского отдела²². Особый интерес в этом смысле представляли специальные *учредительные документы* Русского географического общества, выявленные в фондах Государственной публичной исторической библиотеки. Проведен источниковедческий анализ всех учредительных документов Общества, а именно Временного Устава и дополнительные постановления совета Русского географического общества²³, Проект и Устав общества²⁴, а также положения о региональном Кавказском отделе²⁵ и других подразделениях Общества²⁶. Интерес представляет «Высочайшее повеление об учреждении Общества»²⁷, согласно которому император Николай I одобрил возникновение Общества, присвоив ему статус Императорского и сделал его государственной организацией. Анализ учредительных документов позволил прийти к выводу о тщательном подходе Общества к разработке и принятию основных документов организации, отвечавших за все направления его деятельности, что в дальнейшем послужило залогом успеха работы.

Немаловажное значение имели *делопроизводственные материалы* (отчеты, записки, известия и др.). В современном источниковедении данные источники считаются особой разновидностью делопроизводственных доку-

²² Отчет о действиях Императорского русского географического общества за 1862 г. СПб., 1863; 1867 г. СПб., 1868; 1897 г. СПб., 1898; 1902 г. Ч. I–II. СПб., 1903; Записки Императорского общества. Т. 1–13. СПб., 1846–1859; 1861–1864; Т. 14. СПб., 1866–1915; 1867–1925; Т. 1–19. СПб., 1867–1890.; Ежегодник Русского географического общества: сборник обзоров успехов разных отраслей ведения / под ред. А.А. Тилло, И.В. Мушкетова, А.В. Григорьева. СПб., Кн. 1–7. 1890–1890; Известия Императорского Русского географического общества: Т. 1 – 52. СПб., 1865 – 1917; Географические известия. Т. 1–3. СПб., 1848 – 1850; Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделов с 1876 по 1885 гг. СПб., 1887.; 1886 по 1895. СПб., 1896.; Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1852–1914.

²³ Государственная публичная историческая библиотека. Ф. А. 20, 3–198. Временный устав Русского географического общества. СПб., 1845.

²⁴ ГПИБ Ф. А. 20, 3–84. Проект устава Русского географического общества. СПб., 1848; А. 20, 6–31. Устав Императорского русского географического общества. СПб., 1849.

²⁵ Положение о Кавказском отделе Императорского русского географического общества // Записки ИРГО Кавказ. отд. Кн. I. Тифлис, 1851.

²⁶ ГПИБ Ф. Е. 34–372. Положение о кавказском, сибирском, северо–западном и оренбургском. СПб., 1968.

²⁷ Высочайшее повеление об учреждении Общества. / П. П. Семенов // История полувековой деятельности Императорского русского географического общества (1845 – 1895 гг.). Ч. I. СПб, 1896. С. 5.

ментов²⁸, позволяющих восстановить организационную и научно-исследовательскую деятельность Общества.

Существенную роль сыграли *статистические данные*, собранные благодаря специально разработанным Обществом программам²⁹, с целью детальной фиксации этнографических данных, исследование которых позволило прийти к выводу об ее целевой направленности на изучение народов страны, в том числе и малоизученного северокавказского региона, вошедшего в состав Российской империи в XIX в. и представлявшего интерес не только для правительства, для академических кругов, но и общественности.

Особую ценность являли собой *периодические издания*. Учитывая специфику диссертационного исследования, интерес представляли специальные издания отдела этнографии³⁰, деятельность которого была направлена на изучение народов, проживающих на территории Российской империи, в том числе и Северного Кавказа. Именно появление периодических изданий, посвященных его изучению³¹, подготовленных Кавказским отделом, активизировало исследовательскую работу по реконструкции исторического прошлого народов региона. В основу формирующейся источниковой базы были положены коллекции устных источников народов Северного Кавказа (эпические произведения, сказки и предания, пословицы, поговорки) собранные и опубликованные в тематических сборниках³².

Теоретико-методологическую основу диссертационной работы составили значимые современные представления о познавательной возможности устных (фольклорных) источников, применения принципов и методов проведения исторического исследования³³. Проблема появляется уже при обращении к понятию ««фольклор»: как устного народного творчества»³⁴. История появления данного понятия связана с ученым, археологом У.Дж. Томсом³⁵, который ввел его впервые в научный оборот. Изначально понятие охватывало всю духовную сферу жизни общества, а иногда и материальную культуру народа.

В российском гуманитарном знании понятие фольклор появляется в

²⁸ Источниковедение. Теория истории. Методология. Указ. соч. С. 396.

²⁹ Живая старина / Отделение этнографии Императорского географического общества; под ред. В. И. Ламанского. Вып. I. СПб., 1890; Программа для собрания сведений по этнографии. С. XLVII–LII; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа // Программа собрания сведений о разных местностях и племен населяющих оные. Вып. 1. Тифлис, 1881. С. VIII–XXIV; Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обрядов. Вып. 2. Тифлис, 1882. С. 5–17.

³⁰ Живая старина: Периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского географического общества. СПб., 1880–1917.

³¹ Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1–10. Тифлис. 1861–1881; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1–46. Тифлис, 1881–1929; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К.Ф. Сталь // Кавказский сборник. Тифлис, 1900.

³² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Указ. соч.

³³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мининков Н.Д. Методология истории. Ростов-на-Дону, 2004; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Сидорцова В.Н. Методологические проблемы истории. Минск, 2006; Шеуджен Э.А. Научная деятельность: организация и методология исследования. Майкоп, 2006; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008 и др.

³⁴ Толковый словарь русского языка // Ожегов С.И. М., 2009. С. 1360.

³⁵ Фольклор. Литературная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 1.01.2014)

80–90–х гг. XIX в.³⁶ Однако его неустойчивость и неопределенность были причиной того, что отечественные ученые пользовались им редко. Более того, предпринимались поиски его эквивалента. Так, известный ученый, славист В.И. Ламанский говорил о «неуловимости целей и задач фольклористов» исследования которых «обращались» в этнографии³⁷. Предпринимались попытки разграничить понятия: этнография, этнология, занимающиеся изучением свойств и особенностей рас, племен и народов. В то время как фольклор соединяет черты и данные «различных степеней развития человечества, без отличия рас и племен».

Неуловимость фольклора, соединяющего в себе элементы разных видов искусства: словесного, музыкального, театрального, связана с его широкой трактовкой, включавшей совокупность традиционных представлений и высказываний о жизни народа, закрепленных в устной традиции, включенных в обряды и приметы. Очевидно, этим объясняется фиксация не только словесного творчества, но и этнографических деталей. Фольклор был своеобразной областью народознания, так как XIX в. ознаменован становлением многих наук, в том числе и фольклористики.

Сегодня распространение получило понятие устное народное творчество, которое подчёркивает словесный характер фольклора. Современная фольклористика до сих пор не может окончательно определиться со своим предметным полем, что приводит к трудностям, с которыми сталкивается исследователь при «дискуссионном анализе»³⁸. При этом важно подчеркнуть, что историк, как отмечает И.Н. Данилевский, «не может удовлетворить буквальный лингвистически точный перевод текста сам по себе»³⁹. Действительно, записанные тексты устных источников другой культуры могут привести к не точному смысловому толкованию.

Основополагающее значение имело следование *принципу объективности*, что предполагало всестороннее изучение устных источников, опубликованных в сборниках⁴⁰. Диссертант стремился реализовать принцип объективности за счет привлечения и сопоставления обширной многоплановой источниковой базы и методологически последовательно организованного исследовательского процесса. Применение принципа объективности позволило провести непредвзятый анализ материалов, содержащихся в устных фольклорных источниках, что стало основанием для сделанных выводов и обобщений. Важную роль в организации исследовательского материала сыграло применение *принципа историзма*, который позволил изучить устные свидетельства и отраженные в них явления и процессы в конкретно–исторической обусловленности, дал возможность исследовать не только условия появления конкретных источников, но и динамику их изменений в связи с определен-

³⁶ Гусев. В.Е. Фольклор (История термина и его современные значения) // Советская этнография. 1966. № 2. С. 8.

³⁷ Живая Старина. СПб., 1880. Вып. 1. С. 16.

³⁸ Алексеев Э.Е. Фольклор в контексте современной культуры. М., 1988. С. 6.

³⁹ Источниковедение. Теория истории. Методология. Указ. соч. С. 178.

⁴⁰ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881–1929.

ными историческими условиями.

Исследование сложных по содержанию устных источников, в большей степени не придерживавшихся хронологической последовательности в изложении событий, вызвало необходимость придания структурной целостности диссертационной работе путем широкого применения *проблемно–хронологического метода*, дающего возможность разделить исследовательскую проблему на более узкие и изучить каждую из них в развитии.

Применение в диссертационной работе широко распространённого в научном познании *историко–сравнительного метода*, открывает возможность для сопоставления рассматриваемых сообщений, выявления общего и особенного. Не располагая прямыми данными о ранних периодах истории отдельных народов, хронология возникновения устных источников, как утверждает фольклорист Б.Н. Путилов, может быть восстановлена путем историко–сравнительного исследования⁴¹. При этом было установлено, что многие явления тождественны или сходны внутренней сутью, отличаются пространственной или временной вариацией форм, и одни и те же формы могут расходиться по содержанию.

Изучение коллекции устных источников не представлялось возможным без использования *историко–генетического метода*, позволившего раскрыть свойства, функции и изменения, происходящие в жизни северокавказского общества, нашедшие выражение в художественных образах, несущих в себе отражение исторической реальности, имеющей место в определённые, зачастую переломные, моменты общественного развития. Помимо этого, данный метод, обладая универсальной гибкостью, позволяет установить причинно–следственные связи и закономерности исторического развития народов на протяжении длительного периода их истории.

Определённое значение в работе имеет *ретроспективный метод*, позволяющий изучать сохранившуюся до наших дней традицию передачи информации устным способом, что весьма важно для реконструкции событий и явлений прошлого, освещённых в источниках, на основе применения современных методов.

Большое значение имело применение *ценностного подхода*, что позволило не только выработать определённое отношение к устным источникам, дать их оценку, способную определённым образом охарактеризовать историческое событие, используя такие категории как «значение», «роль» и т.д.

В процессе исследования применялись не только общеисторические методы, но и некоторые специальные приемы, используемые фольклористами. В частности, учитывались современные приемы полевой фольклористики, сложившиеся на основе опыта собирательской работы, что позволило рассматривать систему приемов и методов расширения и пополнения источниковедческой базы, но и как процесс изменения и трансформации способов и форм живого бытования подавляющего большинства жанров устного твор-

---

⁴¹ Путилов Б.Н. Указ. соч. С. 57.

чества народов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в работе:

- впервые предпринимается системное исследование, обширного комплекса материалов собранных в ходе полевых обследований, проведенных Кавказским отделением Русского географического общества;
- выделен круг проблем, запечатленный в устных источниках и изученных с применением современных методологических приемов;
- на основе анализа различных видов устных фольклорных источников расширены представления об их познавательных и информативных возможностях при реконструкции истории бесписьменных народов региона;
- на материалах обследований, проведенных в северокавказском регионе апробированы теоретические подходы и методические новации, утверждающиеся в российской и европейской исторической науке;
- привлеченные документальные материалы выявили позитивные возможности компаративистских исследований исторических процессов и явлений;
- в результате проведенного анализа четко обозначились возможности применения историко–антропологического подхода при изучении историко–культурных процессов в северокавказском регионе.

Научно–практическая значимость диссертации состоит в возможности применения ее выводов для дальнейшего изучения начальной истории региона с привлечением более широкого круга источников, поскольку в научный оборот вводится корпус устных источников, ранее не подвергавшихся системному анализу с применением междисциплинарных методов. **Практическая значимость** работы определяется тем, что изложенные материалы, теоретические обобщения и выводы могут быть использованы в научно–исследовательской работе при дальнейшем изучении устных источников и включены в специальные труды, посвященные истории народов Северного Кавказа. Результаты исследования используются автором диссертации в практике общих и специальных лекционных курсов, семинаров, разработке учебных программ. Общие выводы данного исследования могут быть учтены при полевых этнографических экспедициях, ориентированных на собирание и изучение устных фольклорных материалов.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, были представлены в сообщениях на научных конференциях и тематически ориентированных круглых столах, а также нашли отражение в 12 научных статьях, три из которых в рекомендованных ВАК изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной для диссертационного исследования темы, предложен обзор историографии проблемы, определяются цели и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные границы, дается характеристика источников, излагаются методологические основы исследования, аргументируется научная новизна, практическая и теоретическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации полученных результатов.

В первой главе «Создание Кавказского отдела Русского географического общества» состоящей из двух параграфов, ставится задача проанализировать историю его создания и методику выявления, фиксации и публикации устных (фольклорных) источников. *В первом параграфе «Первый опыт изучения истории региона и создание Кавказского отдела Русского географического общества»* исследуются вопросы, связанные с процессом вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, способствовавшие усилению внимания к региону не только в социально–политическом, но и научном отношении. Российской академией наук были организованы комплексные экспедиции, направленные на изучение фольклора, культуры, этнографии северокавказских народов.

В диссертационной работе к первому опыту подобных обследований, накопленному еще в XVIII в., отнесены научно–исследовательские изыскания И.А. Гюльденштедта, П.С. Палласа, Я. Потоцкого и других ученых Санкт–Петербургской академии наук, занимающихся изучением Кавказа. Однако принципиально значимый «прорыв» в этом направлении произошел в XIX в., благодаря таким известным ученым как Н.Ф. Дубровин, П.И. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, Л.Я. Лопатинский, Л.Г. Люлье, К.П. Услар, Ф.И. Шегрен не только посещавшим, но и длительное время проживавшим среди горцев. Именно благодаря им была заложена основа российского кавказоведения. Как отмечает Н.Ф. Дубровин «ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знания, какую имеет Кавказ...»⁴².

Исследовательский интерес к устным свидетельствам во многом был обусловлен тем, что большинство народов региона не имело письменности и их история была зафиксирована в фольклорных произведениях, передаваемых из уст в уста. Именно в них сохранялась для потомков память о минувшем в особой кодифицированной форме. В связи с этим особую значимость приобрел вопрос о сохранении памятников устной традиции. Известный русский лингвист и ориенталист В.Ф. Миллер, исследуя народное творчество осетин, с тревогой отмечал, что «наиболее ценные сказания находятся в периоде вымирания...»⁴³.

⁴² Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо–Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 14.

⁴³ Миллер. В.Ф. Осетинские тексты / В.Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1881. С. 8.

Более того, вопрос о значении сохранения устных источников был четко осмыслен уже в работах авторов первых сочинений по истории горских народов: С. Хан–Гирея, Ш.Б. Ногмова, К. Атажукина, С. Крым–Гирея, целенаправленно проводивших отбор вариантов устных преданий, включавших в свои работы подборки нартских сказаний, их комментирование и публикацию на страницах российских периодических изданий.

Однако целенаправленный, системный характер эта работа приобрела благодаря созданию Русского географического общества (1845 г.), ставшего четвертым по времени возникновения в Европе, целью которого стало не только изучение огромной территории Российской империи, но и «стран с нею сопредельных». В докладной записке, подготовленной Ф.П. Литке, известным российским мореплавателем, одним из основателей Русского географического общества, необходимость его учреждения мотивировалась обширностью территории и малой изученностью Российской империи. Инициаторы создания Общества видели главную цель в собирании и распространении географических, статистических и этнографических сведений «о самой России, а также необходимости сообщать достоверные сведения о России другим землям»⁴⁴.

Научный интерес к малоизученным окраинам Российской империи, совпал с периодом завершения военных действий на Кавказе. В результате появилась возможность включить этот регион в сферу «научного интереса». Важным шагом в этом направлении стало принятие положения «о Кавказском отделе Императорского Русского географического общества», утвержденного 27 июля 1850 г.⁴⁵ При этом четко осознавалось, что окраины империи отличались «крайне скудным проявлением общественной жизни»⁴⁶, что нашло отражение в недостаточном развитии образования, культуры и интеллектуальной жизни. Более того, «водворение» нового государственного устройства затруднялось необычайной «таинственностью их запутанной летописи»⁴⁷.

Несмотря на трудности перехода в новую систему отношений, в среде горцев Северного Кавказа четко прослеживалось такое явление, как «культурные ожидания» (просветительство, стремление населения к получению образования и т.п.). Поддержка Кавказского отдела со стороны местного населения (сельских писарей, учителей и др.) привела к увеличению изданий, посвященных «научной разработке данных касающихся изучения Кавказского края»⁴⁸. Так, активной работой по сбору материалов занимались «местные корреспонденты адыги», среди которых: К.М. Атажукин, Т.П. Кашежев, С.А. Урусбиев, П.И. Тамбиев.

В диссертации отмечается значимая роль Кавказского отдела в коор-

⁴⁴ Временный Устав Русского географического общества. Положения общие. СПб., 1845. С. 1.

⁴⁵ Положение «о Кавказском отделе Императорского Русского географического общества, Высочайше утвержденное 27-го июля 1850 года». СПб., 1850. С. 21–24.

⁴⁶ Кавказский вестник. № 3. Тифлис, 1900. С. 1.

⁴⁷ Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. I. Тифлис, 1852. С. 1.

⁴⁸ Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. I. № 1. Тифлис, 1894.

динации деятельности таких исследовательских объединений как Общество любителей естествоиспытания, антропологии и этнографии, Русское археологическое общество, Кавказский альпийский клуб. Совместно с ними организовывались экспедиции, разрабатывались программы, методические рекомендации, инструктивные письма и анкеты для сбора исторически значимых сведений. Сотрудники подобных учреждений являлись, если не все, то значительная их часть, членами Кавказского отдела.

Складывающаяся картина дает обобщенное представление о стремление образованной части горского общества всеми доступными средствами способствовать развитию интереса к истории и культуре своих народов: чем больше Северный Кавказ попадал в сферу интересов России, тем заметнее усиливалось внимание к истории и этнографии этого региона. Создание Кавказского отдела Русского географического общества, уже по оценке современников, было «выдающимся явлением», способствующим развитию гражданственности среди местных народов⁴⁹. Несмотря на трудности, Кавказский отдел в короткое время завершил организационное оформление, разработал базовые документы, регламентирующие его деятельность, расширил круг членов, привлеченных к выявлению и изучению устных источников, сохранившихся среди народов региона.

Во втором параграфе «Методика выявления, фиксации и публикации устных (фольклорных) источников» отражен процесс разработки Русским географическим обществом специальных программ и методических материалов для системного собирания и исследования устных источников, позволивших изучить все стороны жизни северокавказских этносов. Обществом учитывался ранее накопленный исследовательский опыт изучения Сибири.

При их составлении принималось во внимание малочисленность образованных людей, способных на практике осуществлять данную работу, «ставка» делалась в основном на учителей. Предполагалось, что собранные ими сведения по истечению времени могут стать источниками, хранящими детальные описания. «Ведь то, что заезжим ученым дается с крайним трудом, утверждал В.Ф. Миллер, может сравнительно легко быть достигнуто деятельностью местных жителей»⁵⁰. Составленный комплекс вопросов носил в большей степени рекомендательный характер, учитывая отсутствие опыта подобной деятельности, так как в процессе работы исследователям приходилось сталкиваться с разнообразными сложностями (незнанием местного языка, отсутствием у кавказских народов письменности).

Проводимые обследования были ориентированы на описание климатических, геологических, географических особенностей региона. Особое внимание уделялось антропологическим характеристикам: наружности, характеру, умственному и нравственному развитию, языку и общественному быту народов региона. Так, собирателям этнографического материала пред-

---

⁴⁹ Кавказский вестник. № 1. Тифлис, 1900. С. 8.

⁵⁰ Миллер В.Ф. О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа. Отзывы, напечатанные в Журнале Министерства Народного Просвещения. М., 2011. С. 1.

лагалось предоставлять зарисовки или фотографии с описанием внешнего вида, как мужчин, так и женщин, позволявших наглядно представить их анатомические особенности. Детальное описание внешности сопровождалось объяснениями «по местным понятиям», что считается признаком красоты или безобразия, какие выражения применяются для их обозначения.

Все более усиливалось осознание необходимости изучения данной территории, отличавшейся своеобразным историческим прошлым, особенным укладом жизни народов. Для этносов, не имевших письменности (адыгов, балкарцев, карачаевцев и др.) именно фольклор выполнял важную историко-культурную функцию. Благодаря ему накапливалась информация, представляющая бесценные свидетельства по истории народов. Отсутствие письменности вынуждало сохранять в устной форме сведения о значимых событиях в жизни народов и передавать их новым поколениям. Специальный раздел программы был ориентирован на выявление и запись бытующих среди местных жителей памятников устного творчества «о временах прошедших»: сказок, пословиц, загадок, поговорок, песен⁵¹. О серьезном внимании к этому направлению деятельности свидетельствует разработка специального методического указания: «Несколько вопросов по изучению поверий, сказок, суеверий, обычаев и обрядов»⁵², хранящихся среди местного населения.

Принципиально значимым было требование указывать, где и от кого они «слушаны, с чьего рассказа они записаны»⁵³. Рекомендовалось уделять внимание языку, на котором они были распространены среди местного населения, а также фиксировать местные объяснения их смысла: уменьшительно-ласкательный, бранный или унижительный. Осознание роли языка, как богатства живой народной речи, зафиксированной в словах – понятиях, представляло ценный исторический материал. Необходимость изучения языка ощущалась исследователями, более того, в наше время данная проблема является актуальной и важной исследовательской задачей. Как отмечал К. Леви-Стросс «только язык может подвергаться истинному научному исследованию»⁵⁴.

Осознание научности, культурной значимости накопленной многочисленной информации о различных сторонах жизни народов Северного Кавказа способствовало возникновению потребности в систематизации и публикации собранного материала. По инициативе Управления Кавказского учебного округа с 1881 г. в Тифлисе стали издаваться тематические сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа⁵⁵. Особого внимания заслуживает факт издания выпусков сборника, полностью посвященного устным источникам. Тексты зафиксированы как на русском, так и на местном языках, снабжены дословными переводами на русский язык и примечаниями. Помимо этого, к текстам прилагаются комментарии В.Ф. Миллера и поясни-

⁵¹ Программа для собирания сведений по этнографии. СПб., 1880. С. XLVIII.

⁵² Сборник... Вып. 2. Тифлис, 1882. С. 5-17.

⁵³ Программа для собирания сведений по этнографии. СПб., 1880. С. XLIX.

⁵⁴ Леви-Стросс. К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 56.

⁵⁵ Сборник... Тифлис, 1881–1929.

тельный словарь Л.Г. Лопатинского. По мере издания сборников учеными осознавалась их роль в изучении Северного Кавказа, отмечалось, что для тщательного исследования источников понадобились бы целые комиссии специалистов по разным отраслям знания и десятки лет самого упорного труда⁵⁶.

Выявленные, записанные и опубликованные на страницах периодических изданий устные свидетельства отразили широкий и сложный комплекс представлений, бытовавший среди горцев Кавказа. В частности, в диссертационной работе выделены космологические сказания и поверья, связанные с представлениями о небе, луне, солнце, звездах, радуге и т.п.; поверья, порожденные величием и неприступностью гор, в тоже время способных защитить человека от возможных угроз; немало сказаний посвящено доблестным богатырям, спасающим девиц от чудовищ; сказания религиозного характера, связанные с представлениями о душе человека, воплощенной в образе бабочки или птицы, об ангелах–хранителях, сопровождающих человека на всем протяжении земной жизни, о загробной жизни, видах мучений грешников в аду и подземном мире, оборотням; сказания, посвященные животным и их встрече с человеком.

В результате была накоплена значительная информация о народах региона, в дальнейшем послужившая источниковой базой для реконструкции их истории. Изучение методики выявления, фиксации и публикации устных материалов, накопленная исследовательская практика позволяет судить об уровне проводимой в северокавказском регионе исследовательской работы. В сферу внимания Кавказского отдела Русского географического общества попали разноплановые вопросы, при этом одной из центральных задач стала фиксация и публикация сохранившихся среди местного населения устных свидетельств древней истории.

Во второй главе «Устные (фольклорные) источники: проблемы систематизации» формулируются подходы, позволяющие применить принятые в отечественном источниковедении теоретико–методологические установки к конкретному виду сохранившихся свидетельств исторического прошлого народов Северного Кавказа.

В первом параграфе данной главы «Типологизация устных источников» подчеркивается специфика развития исторического знания у бесписьменных народов, особое значение придается накоплению и научной систематизации собранным Кавказским отделом Русского географического общества устным источникам, на протяжении многих веков служивших древней формой передачи информации об истории народов, как особом способе познания реального мира⁵⁷.

Численность и разнообразие источников, способность воплощать различную информацию, потребовали разделения их на «первичные категории»,

⁵⁶ Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. IX. № 2. Тифлис, 1887. С. 225.

⁵⁷ Медушевская О.М. Указ. соч. М., 1998. С. 23.

позволяющие применить приемы источниковедческого анализа⁵⁸. При этом учитывалось, что устные источники передававшие информацию от одного поколения другому изустно, заполняют пропасть между настоящим и прошедшим, тем самым, делая мысли прошлого более значимыми⁵⁹.

При типологизации источников принципиальное значение имело положение, выдвинутое А.С. Лаппо–Данилевским о возможности подразделения источников «с разных точек зрения, в зависимости от целей исследования»⁶⁰. Уже в XIX в., когда устные источники стали объектом систематизации, с целью упорядочения собранной и опубликованной информации, связанной с историей народов Северного Кавказа идея систематизации воспринималась как прагматическая.

В диссертационном исследовании отмечается значение предложенных известными российскими источниковедами Л.Н. Пушкаревым, А.П. Прошштейном, С.О. Шмидтом, И.Д. Ковальченко вариантов типологизации исторических памятников с точки зрения их источниковедческой ценности. Опираясь на предложенные ими подходы стало возможным применить их при классификации изучаемых устных источников. Однако в ходе работы возникли трудности связанные с отсутствием терминологической устойчивости при выделении видов фольклорных материалов, в том числе относящихся к памятникам устной культуры народов Северного Кавказа. Вопрос о видовой классификации и составе фольклорных традиций до сих пор остается далеким от разрешения.

В основу организации устных источников был положен системный подход, позволяющий рассматривать объективную действительность, отраженную в фольклорных свидетельствах с позиции целого и взаимодействия его частей. Учитывая разнообразие устного творчество народов Северного Кавказа, предложена его условная систематизация: на героический эпос, сказки и предания, пословицы и поговорки. Каждая из выделенных групп представляет «самостоятельные области», но в целом, как совокупность элементов, виды фольклора, упорядоченные и организованные, находятся в органическом взаимодействии. При этом нельзя не учитывать трудности, связанные с отсутствием четких критериев при определении видовой принадлежности устных источников, что во многом объясняется «размытостью», недостаточно четким пониманием «границ» сюжетных фабул.

Наиболее обобщенную картину народной жизни представляет эпос, повествующий об эпическом мире героев–богатырей: нартов. Они стремились «расширить» рамки видения мира, осуществляя походы в неизвестные ранее места, названия которых закреплялись в художественных сюжетах. Опираясь на эти данные можно определить место обитания народов (бережье рек, предгорные районы Кавказа и др.). Особенное отношение в эпосе отведено горам, как защитникам народа, как местам, где проводились важные советы и состязания между нартами.

⁵⁸ Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 186.

⁵⁹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 231.

⁶⁰ Лаппо–Данилевский А.С. Указ. соч. 1913. С. 295.

Нарты выступают бесстрашными защитниками своей «земли» от внешней опасности, воплощенной в образах мистических существ и реальных захватчиков (Золотая Орда, крымские татары и др.). Так, нарт Айдемир-кан являвшийся героем многих преданий, всю жизнь посвятивший защите своего народа, предстает в образе борца с внешним врагом (ханом Эдигеем, темником Золотой Орды).

Однако чем глубже эпос уходит в прошлое, тем обобщеннее в нем отражаются исторические процессы. Нередко в одном сюжете могут быть переплетены события, относящиеся к разным периодам истории и эпохам. Нарты, вооруженные луками и стрелами, демонстрируют силу и ловкость при встрече с противником, в их поступках отражаются представления о рыцарском поведении, закрепляется кодекс чести принципиальными ценностями которого были храбрость, преданность, учтивость, бескорыстие. Можно с уверенностью сказать, что эпос, сформировавшийся в глубокой древности, представляет наиболее информативный вид источника.

Значимую часть устных свидетельств составляют сказки и предания народов. Заключение в них информация разнообразна: она «законсервировала» не один временной период и разные социальные картины. Героями сказок выступают представители разных сословий, независимо от занимаемого общественного положения (ханы, шахи, князья, простолюдины). Волшебное отношение к реальности переплетено с жизненными, бытовыми деталями, соединенными в единое целое. Это повествование о событиях, в которых принимали участие люди и волшебные и фантастические силы. В сказках находили отражения и пояснения многие природные явления, которые народное сознание не могло научно объяснить. Так, сильный ветер в народном представлении ассоциировался с взмахами крыльев сказочной птицы, жившей с давних времен в горах Кавказа, знавшей прошлое и умевшей предвещать будущее.

Подобные произведения важны, прежде всего, потому что народом они воспринимались как информационный источник о событиях, предостережениях, назиданиях. В частности, в одном из сказаний речь идет о князе Омаре—справедливом и честном защитнике народа, слово которого было для всех законом. В сказании воспевались не только его поступки, но и звучал призыв сказителя к слушателям с целью поднять боевой дух и встать на защиту своего народа.

Несмотря на основные с точки зрения народа цели сказок – радовать, удивлять, поражать – они несут богатейшую информацию, отражают проявление национальной культуры и менталитета народа, его взглядов на материальные и духовные ценности, семейные отношения. Природные аномалии (землетрясения, гром, молния) в сказках, как не в одном другом виде устных источников представлены сюжетами, связанными с отношениями к природе. Священные места, в которых запрещалось охотиться героям, были заповедными, в них обитали сказочные существа (добрые и злые), а фруктовые сады были местом, где росли чудодейственные яблоки.

В целом, сказки и предания выполняли нравоучительную и объяснительную функцию. Именно поэтому они позволяют восстановить не только смысл происходивших событий, но ментальное состояние общества на разных этапах развития: нравственные и безнравственные поступки героев, честность и предательство, бесстрашные и трусливые действия человека. В них дается адекватное, для того времени, осмысление и интерпретация событий, связанных с миром людей (любовь, измена, героизм, непослушание и т.п.), миром природы (землетрясения, грозы, разливы рек и т.п.) и миром таинственных, загадочных существ.

Значимую часть устных источников составили пословицы и поговорки. Их краткость и в то же время смысловая глубина способствовали их широкому распространению и применению в повседневной жизни. В них народы, в частности северокавказские, отражали общественные и общечеловеческие нормы, здравый смысл и нравственные интересы. Специалистами неоднократно отмечалась значимость их привлечения при изучении истории, семейных отношений, права, языка и религии.

Появление пословиц и поговорок прослеживается как в эпических, так и в сказочных фабулах. В коротких изречениях четко подмечались как достоинства, так и недостатки человека, его красота, ум, трудолюбие, лень. Особое внимание отводилось взаимоотношениям между мужем и женой, детьми и родителями, родными и неродными детьми. Пословицы и поговорки представляют своеобразное зеркало, в котором отражаются социальные стороны минувших времен, являясь выражением народной мудрости и философских взглядов на жизнь. Учитывая гибкость и краткость суждений целесообразно говорить о том, что пословицы и поговорки стали итогом рационального развития устного творчества народов региона.

Обращение к устным источникам, ранее находившимся в «тени» исследовательского пространства требует от исследователя особого подхода к подобным материалам. Важным в первую очередь является определение видового состава устного народного творчества. Четких рамок в имеющихся классификациях нет: вместе с тем, во всех имеющихся типологизациях определенное место отводится устным источникам, как «остаткам старины» в особой форме выражающим «эмоциональные оценки действительности»⁶¹.

В результате проведенной видовой систематизации и типологизации устных фольклорных источников, автор диссертации приходит к выводу, что они представляют некую систему, способную в комплексе с другими видами исторических источников обогатить современную реконструкцию исторического прошлого народов северокавказского региона.

Второй параграф данной главы «Методы критики устных источников» посвящен применению принятых в источниковедении методов и приемов аналитической работы с устными источниками. Учитывая характер разрабатываемой проблемы, видовое разнообразие привлеченных материалов потребовалось комплексное применение общенаучных, специально—

---

⁶¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 97.

исторических и междисциплинарных методов, позволяющих выявить историческую информацию, запечатленную в фольклорных источниках, подвергнуть ее критическому анализу и сделать теоретические обобщения.

Общенаучные методы, используемые на эмпирическом уровне (наблюдение, измерение), позволили понять принципы, методы, приемы выявления, фиксации и публикации памятников устного творчества народов Северного Кавказа. В известном смысле именно этому была подчинена деятельность Кавказского отдела Русского географического общества. В частности, метод наблюдения позволил осмыслить объективные и субъективные причины побудившие провести работу по выявлению и введению в научный оборот источников данного вида, а также ответить на вопрос – как, когда и кем были сформированы коллекции текстов.

Предварительная обработка собранного материала, подготовка комментариев, потребовала применения приемов измерения: в этой плоскости, в диссертации источники изучались с учетом временных и пространственных критериев. Несмотря на возникающие сложности датировки времени в устных источниках, удалось соотнести их с определенными периодами жизни народов. Так, в результате проведенного анализа стало возможным установить временную принадлежность таких сказаний как «Рачикау», «Редедя», «Ильчикая»⁶², отразивших конкретные этапы взаимодействия Руси с северокавказскими народами, которые нашли отражение в русских летописях. Подвергаясь временной «шлифовке», устные источники приобретали ряд «напластований»: не случайно наличие в одной художественной фабуле несколько временных периодов.

Особое внимание уделялось методам, применяемым на теоретическом уровне (анализ, синтез). В ходе проведения анализа каждого вида устных источников выделялась фабула, определялась историческая основа, в разной форме отраженная в произведениях. В результате эпос оказался, по сравнению со сказками, более историчным в плане информативности, являясь одной из древних форм сохранения образных свидетельств об историческом прошлом народов.

Теоретический смысл приобрел вопрос восприятия времени и пространстве. Символическим образом времени стало волшебное колесо (жан-шар – кн.)⁶³, которое нарты применяли в своих играх, отражавшее цикличность времени, постоянно возобновляющегося: прошлое, настоящее и будущее сливаются в конкретном опыте человека. Так, складывание представлений о годичном цикле жизнедеятельности повлекло превращение непрерывного времени в организованное: в устных преданиях представлены все сезоны времен года.

Проведенный анализ свидетельствует, что понимание времени, отразившееся в устных преданиях, не сводилось к указанию конкретных исторических событий или дат. Народным сказителям важно было представить, как время влияло на жизни народа и как им воспринималось, причем оно отра-

⁶² Сборник... Вып. 1. 1881. С. 1–36; Вып. 12. 1891. С.65–69; Вып. 34. 1904. С. 7–12.

⁶³ Сборник... 1891. Вып. 12. С. 45.

жалось неравномерно, преобладающим было прошедшее время, противопоставляемое времени рассказчика. Время нарта Айдемиркана в представлении народа было «золотым временем», когда он был свободен, подобно «небесным орлам»⁶⁴. С того же момента, когда «отец черкесов отпустил дух», народ попал под гнет татарских ханов⁶⁵. Особого внимания заслуживает отраженная в эпосе и сказках идея «остановившегося», «застывшего» времени, имевшего способность возобновлять движение по мере развития сюжета.

В устных источниках представлено деление мира на противоположные категории: земля противопоставлялась небу, подземному миру. Вселенная в народном воображении изображалась в «трехчленной форме: верхний, средний и небесный мир», в котором человек занимал промежуточное положение⁶⁶. Пространство постигалось как данность и как категория движения. Более того, пространство и время тесно взаимосвязаны, и не могут существовать одно без другого. Оно, как правило, представлено в виде «природного пространства», сложной системы, внутри которой выделяются «земное пространство» и «водное пространство». Представленный в преданиях герой повествования не видел разницы в размерах и масштабах пространства: оно находилось для него на расстоянии «близко–далеко». Но, тем не менее, в фольклорных текстах дается описание наименования рек: Дона, Волги, Терека, Кубани, Малки, как границ территорий обитания; гор Эльбруса, Машуко, Ошхамахо, Ошхатау; священных лесов и роц.

В ходе проведения анализа сюжетов необходимым стало обобщение полученных сведений. В этой связи важным оказалось осуществление синтеза, в ходе которого была сформирована (учитывая специфику изучаемых источников и художественное изображение действительности) определенная картина народной жизни на разных этапах ее становления и развития. Применение общенаучных методов в исследовании позволило комплексно подойти к изучению устных источников, учитывая специфические особенности изучаемого материала, и осуществить переход к применению специально–научных приемов.

Особую значимость приобрело применение историко–типологического метода, позволившего систематизировать и упорядочить различные виды устных источников в соответствии с определяющими признаками и принятыми критериями. Из общего массива материала были выделены эпические произведения, сказки, предания, пословицы и поговорки, что позволило изучить устные источники не только комплексно, но и автономно с учетом их видовой специфики.

Заслуживающие внимания результаты были получены благодаря применению историко–сравнительного метода: удалось провести сравнение различных видов источников по уровню информативности, установить параллели, определить культурно–генетические связи на основе сходства и отличия сюжетов. Примером тому являются тексты, посвященные нартским богаты-

⁶⁴ Сборник... Вып. 5. 1885. С. 113.

⁶⁵ Там же. Вып. 5. 1885. С. 113–118.

⁶⁶ Мифология адыгов. URL: <http://www.djeguako.ru/> (дата обращения: 10.10.2013)

рям, сохранившиеся у татар, кабардинцев и адыгов о Рачикау, Пшибадиноко и Ешов Батыныко⁶⁷, на первый взгляд представляющие автономные фабулы. Однако при более детальном прочтении становится очевидным, что данные тексты отличаются объемом информации и сюжетными линиями. Создается впечатление о заведомо намеренном желании авторов «расширить–сократить» эпическую фабулу.

В целом, специально–научные методы позволили провести изучение материала с позиции их источниковедческой значимости, а также сделали возможным выявление исторической информации, запечатленной в художественных фабулах и на ее основе внести важные коррективы в реконструкцию исторического прошлого народов Северного Кавказа.

Принимая во внимание направленность диссертационной работы, а также специфику источниковедческого материала, необходимым стало привлечение методов фольклористики. Исходя из того, что устное народное творчество отражало «свою» реальность, значимым стало применение художественного метода, позволившего изучить тексты с учетом их эстетической природы, принимая во внимание изменчивость социальной структуры северокавказского общества и особенности миропонимания, что позволило выявить явления действительности и проанализировать их с учетом реальности и своеобразия их художественного воплощения в народных преданиях.

В фольклоре находит воплощение бережное отношение к традициям народа: сказочность, неправдоподобность сюжетов, тем не менее, в народном сознании закрепляется определенный свод правил и норм поведения. Во многих преданиях получают отражение обычаи гостеприимства, аталычества, куначества. Важно, что фабулы демонстрируют разные вариации поведения, как соблюдения, так и нарушения традиций.

Проведенная типологизация устных источников, применение комплекса методов позволило проанализировать значительный по объему материал, проследить механизмы творческой импровизации сказителей. Стало ясно, что устное народное творчество, несмотря на выраженное своеобразие, отражает реалии социальной и политической жизни этносов, позволяет расширить исследовательские возможности, проникнуть в глубинные пласты истории.

Третья глава «Образы окружающего мира в сказаниях горцев Северного Кавказа» состоит из трех параграфов. *Первый параграф «Природно–географическая среда»* посвящен вопросам, связанным с характером восприятия окружающей среды, отразившейся в народных преданиях. История народов северокавказского региона неразрывно связана с определенным участком земной территории. Именно в этом пространстве складывалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения этой земли и преодоления «угрожающих» природных явлений. В тоже время, географическая среда выступала необходимым условием становления духовной жизни, непосредственно влияла на

---

⁶⁷ Сборник... Вып. 1. 1981; Вып. 12. 1891; Вып. 21. 1896.

изменения психологического облика народов. По точному определению В.О. Ключевского в «двусторонней борьбе с самим собой и с природой» народ вырабатывает «свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления»⁶⁸.

Установление связи исторического прошлого народов со средой обитания представляет достаточно сложную проблему. Как бы то ни было первыми реалиями, с которыми столкнулся человек, были участки окружающего его ландшафта: равнины, горы, леса, долины, реки, озера; климатические условия; особенности животного и растительного мира.

Наиболее ранние представления горцев об особенностях организации географического пространства связаны с Кавказскими горами, выдвинувшимися «громადной стеной от одного моря до другого»⁶⁹. Уже в представлениях античных мыслителей Кавказ приобретал мифический, сакральный смысл. Аналогичные представления отразились в преданиях народов Северного Кавказа: для них Эльбрус (Ошхамахо) «гора счастья», пантеон богов. Татары называют его «единственной из тысячи гор», черкесы и кабардинцы «горой блаженных», «Троном Властителя вселенной и царя духов».

В устных источниках сохранилось несколько версий возникновения гор. Одна из них связана с действием ангелов, «желая угодить Богу», сдвинувших землю с такой силой, что она «покоробилась», в то время как в другой – с украденными дьяволом у Бога семенами, которые стали прорастать у него за щекой, принося невыносимую боль, от чего он «своей лапой, стал вытаскивать их из-за щеки» и разбрасывать по земле⁷⁰.

Считалось, что на вершине Эльбруса много тысячелетий живет огромная птица по имени Силур, которая одним глазом видит прошедшее, а другим будущее. От могучих взмахов ее крыльев вздрагивает земля, в горах поднимаются бури и «море закипает волнами». Стоны Силур приводят к тому, что «в лесах умолкают птицы, цветы опускают свои головы, в каменистых ущельях сердито ропщут потоки и вершины Эльбруса, скрываются облаками»⁷¹.

Величественные горы были местом проведения состязаний богатырей. В эпических произведениях гора Бештау, стала местом состязаний в скачках, в силе и ловкости, в стрельбе в цель из лука, джигитовке, красноречии⁷². Таинственность, труднодоступность гор делала их и местом суровых наказаний. Так, длинной цепью был прикован к скале богатырь, решивший «проникнуть в тайны Бога»⁷³. Каждый день к нему прилетал коршун и клевал его сердце. Нельзя не отметить, что подобные сюжеты сказаний представляют видоизмененные факты древне-греческой мифологии, что может стать предметом специального изучения.

Горы воспринимались как место, где человек мог укрыться от опасно-

⁶⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С.78–79.

⁶⁹ Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990. С. 24.

⁷⁰ Сборник... 1883. Вып. 3. С. 97–98.

⁷¹ Там же. 1908. Вып. 38. С. 102.

⁷² Там же. 1891. Вып. 12. С. 45–47.

⁷³ Сборник... 1891. Вып. 12. С. 37–38.

стей. В предании «О нарте Айдемиркане», в призыве старцев «смыть пятна позора вражеской кровью», упоминалась «великая гора» Ошхомахо, стоявшая «за них» своими снегами⁷⁴. Однако история горцев Кавказа убедительно свидетельствует, что они не столько «переживали» неблагоприятные периоды, находя «убежище» в горах, сколько стремились жить именно в этом «пространстве земли, несмотря на сложные природно-географические условия...»⁷⁵.

В устном народном творчестве реки выступают «путеводителем» и, в то же время, своеобразной границей между «своим» и «чужим», «живым» и «мертвым». Целебными свойствами наделялись источники: они могли исцелить, но и бесследно «поглотить» человека. Согласно бытовавшим представлениям на дне рек и озер хранились несметные сокровища.

В комплексе источников отразилось особое отношение северокавказских народов к растительному и животному миру, воспринимаемому как источник жизни, в то же время наделенному таинственностью и сакральностью. Как одно из главных богатств воспринимался лес, дававший человеку пищу, материалы для строительства жилища, охраняющего и спасающего от опасностей. Лес представлял суровой, но справедливой силой: он мог укрыть от опасности, но и покарать. Особое значение придавалось священным рощам – в них запрещалось охотиться, тревожа диких животных. Деревья закрепляли в памяти места гибели целых селений и отдельных людей. Так, в сказке о князе Омаре, на месте смерти его и возлюбленной Фатьмы, выросли два тополя, которые в праздничные дни «обнимают друг друга»⁷⁶.

Народные сказания закрепили восторженное отношение к фруктовым садам: они окружали «дворы царей», в них гуляли царские дочери со своими служанками, играли дети. В сказке «О трех братьях–царевичах» повествуется о «богатейшем саде, славном саде», размеры которого были такими, что «кажется и конца–края ему не было»⁷⁷. В этом же саду росло необычное дерево «с золотыми райскими яблоками»⁷⁸. Как правило, сказки заканчивались словами: «С неба упало три яблока, одно для меня, одно говорящему рассказчику, одно слушателю»⁷⁹.

Горцы, закаленные трудностями и лишениями, чувствовали себя хозяевами в непроходимых «дремучих кавказских лесах», так как знали язык зверей и птиц⁸⁰. В устных рассказах повествуется о конях, собаках и многих других животных, обладавший сверхъестественными способностями: менять свой облик, а главное, умением говорить «человеческим голосом» и даже давать полезные советы, оказывая помощь в сложных ситуациях.

С древнейших времен человек стремился объяснить природные явления. Отражением этого стали сюжеты, связанные с небесными светилами.

⁷⁴ Там же. 1886. Вып. 5. С. 113–118.

⁷⁵ Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) XIX век: опыт применения историко–антропологического подхода. С. 56.

⁷⁶ Сборник... 1883. Вып. 3. С. 112.

⁷⁷ Там же. 1839. Вып. 15. С. 10.

⁷⁸ Там же. 1839. Вып. 15. С. 3–19.

⁷⁹ Там же. 1886. Вып. 5. С. 28.

⁸⁰ Там же. 1891. Вып. 12. С. 12.

Солнце и луна в народном мировосприятии были представлены в образах мальчика (луны) и девочки (солнце), а смена дня и ночи представлялась следствием ссоры возникшей между светилами «кому выходить раньше»⁸¹. Затмение солнца и луны народное воображение связывало с неким драконом, желавшим проглотить небесные светила. Существовало представление, что сохранение «космического порядка», поддержка баланса между человеком и природой, могло быть обеспечено при помощи магических ритуалов.

Раскаты грома, согласно народным представлениям, были связаны по одной версии с ангелами, разгоняющими тучи плетью, из-за ударов которой происходили раскаты грома и сверкала молния, согласно другой – гром и молния происходят из-за Ильи Пророка, который на своей огромной колеснице разъезжает по небу и стрелами бьет змея в облаках. Если человека убивала молния, его считали святым, а возгорание дома означало пролившуюся кровь змея убитого Ильей.

Сохранившиеся варианты отношений между природой и человеком, воплощаясь в представлениях и образах устных повествований, несмотря на их выраженную фантастичность, свидетельствуют о стремлении понять, более того, объяснить сложный, трудно познаваемый, реальный мир. В результате сложилось представление о человеке как физическом существе, входящем неразрывной частью в «систему природы». В то же время крепло понимание того, что эти отношения весьма разнообразны и отражают многоплановое взаимодействие природных и социальных явлений.

Во втором параграфе «Представления об освоенном пространстве как «своей» земле» внимание сосредотачивается на закрепившихся в устном народном творчестве образных представлениях о территории расселения, освоенном народами пространстве обитания. Обращение к этой проблеме может стать исходным, позволив ответить на вопросы: насколько исторична информация, содержащаяся в эпосе, и какое место она занимает в современной системе исторического знания? Конечно, применение критериев «историзма» к данному виду источников является условным: сюжеты устных преданий сформировались задолго до появления «исторического мышления» в современном понимании этой дефиниции. Устные источники постоянно подвергались трансформации, в них отражались наиболее яркие, по мнению их создателей, этапы жизни народов, но на их основе сложно установить последовательность исторических событий, чаще представлявших конгломерат множества перемен.

В то же время, благодаря «историческим элементам» сказаний в общественном сознании закреплялись образы прошлого, обеспечивающие сохранение и передачу информации о жизнедеятельности человеческих сообществ. Благодаря нартскому эпосу в сознании многих народов Северного Кавказа закрепился образ легендарного, по-своему идеального гармоничного мира. Это сплоченное сообщество сильных и равных героев, состоявших в родственных отношениях, управляемое народным сходом, на который допускают-

---

⁸¹ Сборник... 1892. Вып. 13. С. 152.

ся совершеннолетние юноши, но непререкаемым авторитетом и решающим голосом пользуются старшие. Нарты владеют общим котлом огромного размера. Только самый сильный и упорный (Батраз) способен «заставить вскипеть в нем воду одним словом, без огня»⁸².

«Свое» племя локализовано на «своей земле» и пользуется покровительством небесных богов. В то же время четко осознается наличие соседних, живущих рядом народов, контакты с которыми приводят не только к межплеменным столкновениям, но и к культурному взаимодействию. Сложный, динамичный мир, о котором повествуют предания, не был непроницаемым для внешних импульсов и влияний. Мотивы деятельности героев объективно совпадают с общеплеменными интересами, со стремлением к гармонизации миропорядка, с подавлением хтонических и демонических сил, с организацией ряда социальных институтов, норм и правил. Значимое место занимает борьба народов с посягательствами на их территорию известных в истории народов: это и «пришельцы сарматы», и «кочевые племена алан», и «татаро–монголы» и другие тюркоязычные племена кочевников.

В устных источниках прямо или косвенно находит отражение проблема миграции племен и борьбы за новые территории. В этом смысле интересно предание «Карача», которого считают родоначальником карачаевцев. Некогда с небольшим племенем он вышел из Крыма и после долгих скитаний поселился в верховье реки Баксан, на «непригодных местах». Однако эти земли не были «бесхозными», они принадлежали кабардинцу Кази, который потребовал выплаты дани. В результате последовала череда переселений: в «страну сванов», затем «в ущелье верховьев реки Кубани»⁸³.

Не менее интересно предание «О переселении Кабарды Тамбиева», повествующее об истории возникновения Кабарды. В XIII–XIV вв. часть адыгов продвинулись с Северо–Западного Кавказа на восток к Пятигорску, к рекам Малке и Тереку, в места «занятые другими племенами...» и, получив «всю землю» занимаемую подвластными татаро–монголам кыпчиками, стали владеть «огромным пространством земли»⁸⁴.

Несомненный интерес представляют вошедшие в предания сведения об общении адыгов со славянами. В эпическом произведении о «Рачикау» сообщается интересный факт о русском переселенце Бедене, поселившемся в «ауле Кинте». Он не только был радушно встречен адыгами, но за него выдали замуж невесту «без калыма»⁸⁵. Более того, тема ранних контактов с Русью находит отражение в других источниках: в частности в сказании «Радедя». Однако в отличие от «Повести временных лет», имя русского князя не упоминается, даже название его удела стерлось из памяти народа. В предании о «Ильчин–кале» русский князь уже предстает крымским ханом. В целом, неустойчивость собственных имен является характерной особенностью народных произведений.

⁸² Сборник... 1889. Вып. 7. С. 14.

⁸³ Сборник... 1891. Вып. 12. С. 164.

⁸⁴ Там же. Вып. 12. С. 17.

⁸⁵ Там же. С. 27.

В диссертации даже обширный корпус устных источников, создающий яркую, образную картину прошлого не позволяет провести научную реконструкцию ареальных связей народов Северного Кавказа: слишком обширна территория расселения и миграции племен, с которыми соприкасались или могли взаимодействовать отдаленные предки современных народов. Тем не менее, в комплексе устные предания представляют «эпическую модель истории». В создаваемых образах сквозь фантастическую оболочку явственно видны отзвуки реального исторического прошлого конкретных народов.

Третий параграф «Духовный мир человека» посвящен изучению памятников устного творчества, воплощавших в художественной форме индивидуальные народные черты, воззрения, идеалы, стремления, фантазии, богатый мир мыслей, чувств, переживаний, мечты о справедливости и счастье. Комплекс веками складывающихся представлений о моральных ценностях и нормах поведения, составил основную часть неписанных законов – «адыгэ хабзэ», став эталоном «общекавказской нравственной философии»⁸⁶.

Центральное место в комплексе устных источников занимают предания о воинской доблести, ставшие основой кодекса воинской чести, утонченного рыцарского этикета. В народных преданиях нартская конная дружина, представленная в образах: Урызмека, Сосруко, Гиляхсыртана злоязычного, Шауая, Рачикау, Нестержака, Батраза отправляется в походы с целью «добывания славы», ведет борьбу с одноглазыми эмегенами, силами природы и иноземными захватчиками. Воинам приходилось, перенося «многие трудности», нередко продолжительное время жить без пищи и питья, преодолевать усталость, недомогание, сильные морозы и жару⁸⁷.

Для воина дожить «до седин» считалось «постыдным». Еще в юном возрасте нарты принимали участие в сражениях, где закаляли «свою натуру», приобретая славу «непобедимого героя», бесстрашно смотрящего в лицо смерти. Нравственным императивом было прожить короткую, но яркую жизнь, полную приключений и опасностей. Одно из важных мест в духовной жизни занимала дружба доблестных воинов: ее добивались и искали. Верность дружбе проверялась временем и пережитыми испытаниями. В сказке «Отцовские друзья», именно они, связанные прочной дружбой, готовы «пойти в огонь и в воду», придя на помощь сыну, когда друзья предали его⁸⁸.

Духовный мир народов Северного Кавказа находит отражение в такой норме бытовой культуры как гостеприимство. В героическом эпосе сюжеты, связанные с этой темой практически присутствуют в каждом повествовании. Узнав о прибытии гостя, хозяева выходят его встречать, «низко кланяясь, сняв шапки», приглашают к себе, дорогу в дом ему «застилают бурками» и, как положено, принимают путника «посадив его на самое почетное место». Долгом хозяина было приготовить щедрое угощение, «утолить его жажду и

⁸⁶ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.

⁸⁷ Сборник... 1881. Вып. 1. С. 1–18. Там же. С. 1–6, С. 27–36, С. 37–42, 27–36; 1883. Вып. 3. С. 147, 17–36; 1891. Вып. 12. С. 46–47, 51–59; 1889. Вып. 7. С. 14–16.

⁸⁸ Там же. 1896. Вып. 21.

голод»⁸⁹.

При этом особое внимание уделяется правилам поведения в гостях: выяснение личных отношений считалось осквернением дома хозяина и позором для участников ссоры. Так, примером служит отношение к приезшему Рачикау злоязычного Гиляхсыртана, на колкости которого, как и подобает, гость не обращал никакого внимания. Однако, когда чаша терпения переполняется, Рачикау покидает дом не прощаясь, несмотря на настойчивые просьбы хозяина остаться. Более того, Рачикау не простил нанесенной ему обиды и убил Гиляхсыртана⁹⁰. В данном эпизоде, как и многих других, прослеживается нерушимое правило: за оскорбление мстить, «как за смерть кровного родственника»⁹¹. В преданиях, несмотря на сказочность сюжетов, довольно подробно представлены случаи кровной мести, имевшие распространение на Северном Кавказе.

Широкое отражение в устных источниках получил обычай аталычества: на воспитание детей отдавали знатным, мудрым и мужественным людям, добрым и злым волшебникам. Период нахождения ребенка у аталыка, зависел от многих обстоятельств и длился от нескольких лет до совершеннолетия⁹². Аталык обучал воспитанника наездничеству, горским традициям, нормам этикета и даже магическим навыкам перевоплощения в разных животных⁹³.

Устные предания формировали почтительное отношение к женщине. Исключительная роль в этом смысле принадлежит сказаниям о Сатанэй (Сатанэй–Гуаш). В эпическом произведении «О нарте Пшибадиноко» она представлена как мать нартов, мудрая советчица, хранительница и распорядительница имевшихся запасов. Однако и она не допускалась на «мужские собрания»⁹⁴. Коммуникативно–бытовые поведенческие нормы жестко осуждали нарушение супружеской верности. В сказаниях «Неверная жена и верная невестка», «Верная супруга» и многих других предстает супружеская любовь и верность, сохранявшиеся до самой смерти. При этом бескомпромиссно осуждается любое нарушение этого священного правила («Нару–Незнайко», «Вдова» и др.)

Важное внимание в диссертации уделяется отражению в устных источниках вероучительных и культовых положений религиозного характера. Особое место в этой структуре занимали пережитки языческих представлений, отражавшие попытку объяснить в мифологической форме малопонятные явления. Внутренний мир человека носил сакральный характер, он был связан с любовью, счастьем, жестокостью и злобой. Олицетворение явлений, не находивших объяснение в человеческом сознании, ассоциировалось с проявлениями сверхъестественных сил, представляющихся в разных образах: громовой тучи, вихря, лесного зверя. Деление животных на «верхний, сред-

⁸⁹ Сборник... 1891. Вып. 12. С. 34; 1896. Вып. 21. С. 264; 1881. Вып. 1. С. 31.

⁹⁰ Там же. 1881. Вып. 1. С. 30–36.

⁹¹ Адыги, балкарцы, карачаевцы... Указ. соч. С. 221.

⁹² Сообцокова Нуриет. Указ. соч. С. 180.

⁹³ Сборник... 1892. Вып. 13. С. 100.

⁹⁴ Там же. 1891. Вып. 12. С. 31–37.

ний и нижний мир», способствовало формированию в сознание человека соответствующего к ним отношения.

В устных источниках оставил след процесс распространения христианства. В героическом эпосе на фоне языческих представлений о силе и роли божеств, живущих на небе, присутствует описание «новых мест» – христианских храмов. В ряде сказаний отразился и процесс распространение ислама. В преданиях «Кара–Чурек», «Алик Кярам» действующие лица поставлены перед необходимостью сделать выбор в отношении той или другой религии. При этом свадебные обряды, празднование первой борозды, сбора урожая, встречи Нового года, войдя составной частью в христианскую и мусульманскую обрядность, оказывали устойчивое влияние на духовную сферу жизни народов. Процесс распространения религиозных воззрений оставил глубокий след в сознании людей, способствовал выработке умений воплощать свои умозаключения в фольклоре и в результате привел к развитию богатой и самобытной северокавказской духовной культуры.

Благодаря изучению устных источников складывается мнение, что они способны дать ключ к пониманию исторического прошлого бесписьменных народов, мировидение которых сформировалось под влиянием мифологии, веры, традиций, регламентирующих нормы поведения. Тематически ориентированный анализ устных источников позволяет значительно расширить предмет и проблематику исторических исследований, открыть во многом неожиданные ракурсы в познании прошлого народов Северного Кавказа.

В заключении диссертационной работы подведены итоги реализации задач и цели исследования, сформулированы основные выводы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность Кавказского отдела Русского географического общества стала одной из форм историко–культурного освоения Северного Кавказа в период его вхождения в состав Российской империи.

2. Научные центры России на практике смогли апробировать приемы и методы, сложившиеся в ходе аналогичных обследований, проведенных в других регионах страны.

3. Благодаря комплексу собранных материалов стало утверждаться понимание того, что народы региона имеют развитую протяженную во времени самобытную традицию устной истории.

4. Благодаря введению данных источников в научный оборот, сложилась источниковая база, хотя и небезупречная, для реконструкции ранних периодов истории народов региона.

5. Устные фольклорные источники имеют значимый объем латентной информации, который возможно выявить на основе логических заключений и современных исследовательских приемов.

6. Проведенный системный анализ показал, что значительная информация, связанная с мировидением, обобщенным жизненным опытом, ментальными особенностями народов Северного Кавказа еще не достаточно ис-

пользуется в исследовательской практике.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

1. Мудрова, Н.П. Публикация устных свидетельств исторического прошлого народов Кавказа в тематических сборниках / Н.П. Мудрова // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2013. – Вып. 1 (113). – С. 41–44. (0.25 п.л.).

2. Мудрова, Н.П. Устные (фольклорные) источники: возможности применения историко-сравнительного метода / Н.П. Мудрова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Серия «Исторические науки». Майкоп: изд-во МГТУ, 2014. – Вып. (2). – С. 11–15. (0.45 п.л.).

3. Мудрова, Н.П. О методе сбора устных (фольклорных) источников Кавказским отделом Русского географического общества / Н.П. Мудрова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Серия «Исторические науки». Майкоп: изд-во МГТУ, 2014. – Вып. (2). – С. 16–18. (0.19 п.л.).

Другие публикации:

4. Мудрова, Н.П. Русское географическое общество: к истории создания / Н.П. Мудрова // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Э.А. Шеуджен. – Майкоп: изд-во АГУ, 2010. – № 6. – С. 62–65. (0.25 п.л.).

5. Мудрова, Н.П. К истории создания журнала «Живая Старина» / Н.П. Мудрова // Наука. Образование. Молодежь: материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых (10–11 февраля 2011 года). – Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – Т. II. – С. 29–32. (0.25 п.л.).

6. Мудрова, Н.П. История Кабарды в пересказе, записанная со слов Талиба Пасабидовича Кашежева / Н.П. Мудрова // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Р.А. Тлепцок. – Майкоп: изд-во АГУ, 2012. – № 7. – С. 99–101. (0.19 п.л.).

7. Мудрова, Н.П. Фольклорные источники горских народов / Н.П. Мудрова // Русское географическое общество, Краснодарское региональное отделение. Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества / Отв. ред. И.Г. Чайка, Ю.В. Ефремов. – Краснодар: Платонов, 2013. – Вып. 7. – С. 238–241. (0.25 п.л.).

8. Мудрова, Н.П. Выступление [О фольклоре, как не традиционном источнике] / Н.П. Мудрова // Развитие российской историографии: опыт изучения нетрадиционных источников: Материалы научно-практического семинара учителей истории Республики Адыгея, 28 марта 2013 г. / Ред. Э.А. Шеуджен. – Майкоп: изд-во АГУ, 2013. – С. 46–48. (0.19 п.л.).

9. Мудрова, Н.П. Фольклорные источники адыгов о человеке и природе

де / Н.П. Мудрова // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Майкоп: изд-во АГУ, 2013. – Вып. 9. – С. 70–73. (0.25 п.л.).

10. Мудрова, Н.П. Организация научно–исследовательской деятельности Русского географического общества / Н.П. Мудрова // История и археология: материалы II Международной научной конференции (г. Пермь, май 2014 г.). – Пермь: Зебра, 2014. – С. 61–63. (0.19 п.л.).

11. Мудрова, Н.П. Способы сбора и обработки устных (фольклорных) источников северокавказских народов / Н.П. Мудрова // История и археология: материалы II Международной научной конференции (г. Москва, май 2015 г.). – Москва: Буки–Веди, 2015. – С. 92–99(0.51 п.л.).

12. Мудрова, Н.П. Пространство и время в устном творчестве северокавказских народов / Н.П. Мудрова // Молодой ученый. – Казань: Молодой ученый, 2015. – № 15. – С. 504–506. (0.19 п.л.)

Мудрова Наталья Петровна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО СОЗДАНИЮ КОРПУСА УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ
(1851 – 1917 гг.)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 08.12.2015. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Формат бумаги 60x84/16. Печать цифровая. Усл. п. л. 1,5. Тираж 100. Заказ 0142.

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии ИП Магарин О.Г.
385008, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 146. Тел. 8-906-438-28-07. E-mail: olemag@yandex.ru